

Персонажи... глубокие, сложные, в некоторых воплощениях балансируют на грани дозволенного. Оттого их финальное прозрение кажется подлинным — и честно заслуженным.

Галь Гадот

Увидимся в другой жизни

РОМАН

18+

Катриона Силви

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР! ПЛАНИРУЕТСЯ КИНОЭКРАНИЗАЦИЯ!

Катриона Силви

Увидимся в другой жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73793778

Увидимся в другой жизни: СПб; 2026

ISBN 978-5-389-32657-6

Аннотация

Невозможно стать для другого человека всем. Но им пришлось.

Брат и сестра, муж и жена, учитель и ученица, случайные знакомые, коллеги... Жизнь за жизнью Тора и Санти проходят через все возможные связи между двумя людьми, снова и снова сталкиваясь в лабиринте улочек Кёльна. Сначала каждая встреча как первая. Потом мелькают вспышки узнавания: воспоминание, фраза, жест... И тогда остается один вопрос: почему? Почему они неизменно встречаются здесь? Почему сам город словно играет с ними и даже звезды, сияющие над полуразрушенной башней, задают все новые и новые загадки?

И почему, прожив столько жизней, они все еще не знают главного – ни друг о друге, ни о себе?

Содержание

Часть первая	6
Добро пожаловать в вечность	6
Открой глаза	32
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Катриона Силви

Увидимся в другой жизни

Посвящается маме и папе.

Спасибо за эту жизнь!

Catriona Silvey

MEET ME IN ANOTHER LIFE

Copyright © 2021 by Catriona Silvey

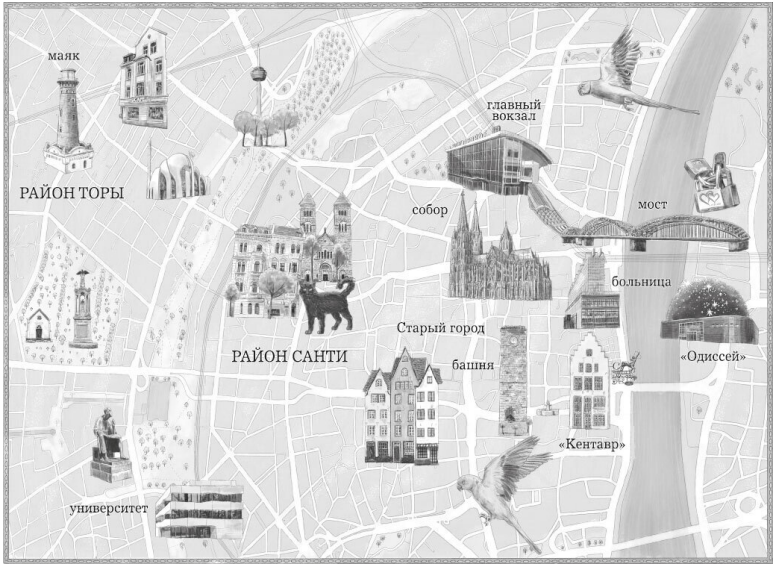
Map copyright © Nicolette Caven

This edition published by arrangement with Diamond Kahn
& Woods Literary Agency and The Van Lear Agency LLC

© С. З. Сихова, перевод, 2026

© Издание на русском языке. ООО «Издательство АЗБУ-
КА», 2026

Издательство Азбука®

маяк

РАЙОН ТОРЫ

главный вокзал

собор

мост

больница

Старый город

РАЙОН САНТИ

башня

«Одиссей»

«Кентавр»

университет

Часть первая

Добро пожаловать в вечность

Тора хочет начать все сначала.

Она жалеет, что покрасила волосы в синий и надела слишком броский оранжевый сарафан, кричащий «из-кожи-вон-лезу-ради-внимания». А больше всего Тора жалеет, что вообще пришла на эту грохочущую тусовку для иностранных студентов-первокурсников. Музыка достигает новой высоты, и ей никак не слышать парня, стоящего напротив.

– Что? – кричит она.

Он склоняется к ее уху:

– Говорю, мне правда кажется, что мы встречались раньше!

Тора вяло улыбается ему и допивает красное вино. Поясняясь махнув пустым бокалом, она сбегает от парня сквозь озаряемый стробоскопами темный зал к пожарному выходу и давит на ручку двери с неожиданным отчаянием: выпусти, выпусти меня! Дверь поддается, и Тору тотчас обдает холодным ветром.

– Кто это вообще придумал? – спрашивает она у мощной площади, у реставрированного фасада дома в Старом городе Кёльна. – Кто устраивает вечеринки-знакомства так, что

невозможно расслышать собеседника?

Город не отвечает. Но Тора и так знает, что дело не в шуме, проблема в ней самой. Она приехала на главный вокзал три дня назад и с тех пор чувствует непроницаемую, прозрачную, как стекло, стену между собой и всеми остальными. Она пришла на вечеринку в надежде, что музыка и напитки позволят пробить этот невидимый барьер. Но теперь ей кажется, что весь вечер она что-то тщетно кричала собственному отражению. «Что ты изучаешь? Физику? Да ладно! Ты откуда?» Вопросы, повторяясь, отдавались эхом, и каждый только усиливал ее одиночество.

Тора идет неизвестно куда. Легкий встречный ветер треплет волосы, освежает разгоряченное лицо. Справа от Торы площадь, которая стекает по узким улицам к безмятежному, шелково струящемуся Рейну. Слева от нее, позади заросшего травой двора, вырастает полуразрушенная башня с часами, устремленная в небо. Стрелки часов замерли на без семи минут двенадцать.

Тора не верит в судьбу. Но все же думает, что некоторые пути лучше других. В эту первую неделю в университете перед ней открывается столько сценариев будущего, что кружится голова. Именно здесь должна начаться настоящая жизнь, а она уже свернула куда-то не туда. Ну почему она несчастна на этой вечеринке, в этом городе, на этой планете? Что заставило ее прийти сюда, где краем глаза ей видится призрак?

Тора останавливается у ворот внутреннего двора. Не обращая внимания на навесной замок с цепью, она перепрыгивает через ограждение, приземляется в траву и шагает, пока не исчезает ее тень. Десять шагов, и она оказывается в новом, спокойном мире, увенчанном звездами. Тора дышит как пловец, вынырнувший на поверхность после долгого погружения. Ей хочется лечь в траву, но она видит, что ее опередили: какой-то парень улегся, разбросав руки и ноги в стороны и запрокинув голову, – он словно пытался вобрать в себя вселенную.

Кто-то другой обрадовался бы встрече с родственной душой. Но не Тора – она обижена на незнакомца, ведь это было ее место и он его отнял. Она стоит в нерешительности на границе двух возможных миров. Темно, кругом ни души, нужно оставаться на безопасном расстоянии. Незнакомец пьян, вероятно без сознания, нужно проверить, как он. Тора дышит и принимает решение в пользу второго мира.

– Hallo! Э-э-э... Ist alles okay?¹ – интересуется она.

Парень вскакивает. Тора разглядывает его: широко раскрытые глаза, выющиеся черные волосы – привлекательный настолько, что Тора настораживается: а вдруг он сам об этом знает? Невысокий, даже если не считать, что Тора ростом метр восемьдесят.

– Английский? – с надеждой спрашивает он.

– Да, конечно! – смеется она. – Как ты уже заметил, мой

¹ Привет! Все о'кей? (нем.)

немецкий – в сущности, английский с немецким акцентом.

Он оглядывается на траву, где только что лежал, словно должен все объяснить.

– Я просто... – Он осекается. – Меня зовут Сантьяго Лопес. Санти.

Испанский акцент под стать имени. Тора не сразу замечает протянутую ей руку. Она пожимает ее и объясняет:

– Думала, ты в отключке. Хотела проверить.

– Шутишь? Там у них пиво по пять евро, у меня столько денег нет, чтобы так напиться. – Он будто смеется над ней. – А у тебя-то есть имя?

– Конечно. Вот как надо знакомиться. – Она продолжает нелепо трясти его руку. – Тора Лишкова.

Санти осторожно высвобождает руку и замечает:

– Акцент у тебя как будто британский, но имя совсем не английское.

Плюсы шумных вечеринок – подобные разговоры там невозможны. А тут – на тебе, объясняй свое существование... Тора вздыхает, надеясь уложиться в пару слов:

– Мой отец – чех, мама из Исландии, но я выросла в Соединенном Королевстве. – Тора пожимает плечами. – Профессора... Сам понимаешь, как оно бывает.

Он неловко проводит рукой по волосам.

– Ну, мой отец – водитель автобуса, а мама работает в магазине, так что я не знаю, как оно бывает.

– Ох, прости. В смысле, прости не за то, что они...

Каждое слово делает только хуже. Какое право он имеет так с ней поступать? Она нервно смеется:

– Черт. Знаешь, с этого момента буду представляться как Джейн Смит.

– Прости, я только попытался завязать разговор. – Санти поднимает ладони в насмешливом извинении.

– Я не хотела разговоров. – Она обхватывает себя руками и смотрит вверх на звезды. – Я просто хотела побыть одна.

– Разумеется. Прости, что вторгся в границы твоего личного города.

Он отвешивает издевательский поклон и уходит.

Торе становится стыдно.

– Подожди.

Санти оборачивается.

– Прости, – начинает она. – Весь вечер я... весь вечер у меня не получалось ни с кем поговорить. Я думала, это из-за шума и что дело в остальных, но, оказывается, дело во мне. И сейчас...

Он пристально смотрит на нее – с раздражением и удивлением:

– И что сейчас?

– Придумала! – Тора щелкает пальцами. – Ложись обратно, как лежал. Словно меня никогда здесь не было.

Она полагает, что Санти уйдет. Но он пожимает плечами, ложится в траву. Кажется, Тора кое-что о нем поняла.

– Хорошо. Жди здесь.

Тора возвращается тем же путем, как пришла. В темноте у ограждения она считает до трех, раздумывая, не уйти ли совсем. А потом, думая: «Боже, что я делаю», она снова подходит к Санти, сбитому с толку, протягивает ему руку и помогает подняться.

– Привет! – говорит она бодро. – Я Тора Лишкова. Рада с тобой познакомиться – в самый что ни на есть первый раз.

Спустя мгновение его лицо озаряется улыбкой.

– Сантьяго Лопес Ромеро. – Он энергично трясет ее руку. – Можно Санти.

– Прекрасно! – произносит Тора и отпускает его руку. – Итак, если ты не был в отключке, то что ты делал?

– Смотрел на звезды, – говорит он, словно это самое обыкновенное занятие.

Сердце Торы чуть не выпрыгивает из груди. Она вглядывается в небо сквозь дымку городских огней:

– Отсюда не много увидишь.

– Может, там будет лучше видно? – Санти указывает на верхушку башни с часами.

– Предлагаешь туда залезть? – моргает Тора.

Санти пожимает плечами:

– Можем и залететь, если у тебя с собой ракетный ранец.

Тора смотрит на башню: в кирпичной кладке зияют провалы. Затея отзывается внутри: наконец то, что нужно. Она знает наверняка: ее душевные терзания сразу проходят, как только она оказывается там, где не стоит быть, там, где не за-

хочет оказаться ни один здравомыслящий человек. Жалко, что не она это предложила. И сейчас Санти подумает, что она пытается его впечатлить.

– Я не полезу с тобой на полуразрушенную башню. Я тебя даже не знаю.

Санти уже шагает по траве.

– А насколько хорошо можно в принципе знать человека?

– Ну уж получше, чем мы с тобой знаем друг друга, – говорит она, догоняя его.

– Правда? – сомневается он. – А я думаю, мы всегда будем загадкой для остальных.

Торе занятно, как он провернул этот трюк, превратив шутку в серьезное обсуждение. По большому счету ей все равно. Впервые за весь вечер предстоит что-то занимательное.

– Почему ты так думаешь? – спрашивает она.

– Сужу по родителям. Они женаты тридцать лет, и отец до сих пор узнает о матери такое, что его потрясает.

– Да ла-а-адно! – тянет Тора. – А мама то же самое говорит про папу?

Санти, похоже, сбит с толку и смотрит на нее настороженно.

– А что?

– А то, что это классика. Мужчины так говорят, когда не хотят серьезно относиться к женщинам. «Ах, она такая загадка!» А на самом деле она последние тридцать лет только

и делала, что говорила ему, чего хочет, а он просто не слушал ее.

– Может, твои родители такие, – хитро улыбается Санти.

– О нет. Мои родители знают друг друга как облупленные. – На улице холодно, Тора плотнее затягивает шарф. – Могут даже фразы не договаривать. Опускают целые диалоги, потому что знают, чем закончится тот или другой разговор.

Санти перепрыгивает через ограждение и протягивает руку Торе.

– Но это не означает, что они знают друг о друге все. Конечно, они знают про свои взаимоотношения, но только, как бы это сказать, с одной стороны.

Тора не обращает внимания на руку и лезет через забор сама.

– В смысле?

– В смысле, что они знают друг друга только как муж и жена. Они могут говорить и поступать с друзьями и даже с тобой так, как не позволили бы в отношениях друг с другом. – Он пожимает плечами. – Нельзя узнать кого-то полностью. Для этого нужно стать для другого человека всем, что невозможно.

Они стоят у подножия башни, изрисованной граффити: слои слов, выведенные маркерами и краской, нечитаемый палимпсест на десятке языков. Тора смотрит вверх. Башня выше, чем казалось. Санти глядит на Тору, словно ожи-

дая, что она отступится. И это заставляет ее шагнуть сквозь неровный провал в стене.

Из одного мира в другой. Тора полагает, что Санти отстал, но ошибается, она слышит его дыхание – единственный звук, который существует сейчас во всей вселенной. Они смотрят вверх в темноту и видят точки света. Сквозь дыру на вершине, сквозь черепичные провалы мерцают звезды.

Тора ступает на полуразрушенную лестницу, которая завивается по внутренней стене. Она оглядывается на Санти:

– Так что, идем?

– Почему бы и нет? – ухмыляется он.

Дойдя до первой дыры в лестнице, Тора взвешивает фразу Санти. Почему бы не рискнуть жизнью из любопытства? Для нее это риторический вопрос. Она перепрыгивает провал, всем телом дрожа от возбуждения. По мере подъема дыры становятся больше, Торе приходится искать опоры для рук и ног в стене. Скоро она целиком сосредоточена на подъеме. Вечеринка, ужасное первое впечатление, произведенное на Санти, страх выбрать неправильную дорогу – все отступает на задний план. Сейчас перед ней лишь одна дорога – ввысь, на верхушку башни, навстречу сокрытым звездам. Она не думает о том, что может упасть, даже когда дыры в стене обнажают ночное небо, укутанное клочьями облаков. Ветер свистит вокруг, швыряя волосы на глаза. Когда ей удастся снова нащупать ступеньки, она оглядывается и наблюдает, как Санти догоняет ее. Да, смотреть куда страшнее, чем

лезть самой. Воздух полнится музыкой: Тора не понимает, откуда доносится эта мелодия, пока не замечает движение губ Санти.

– Ты что, поёшь там? – недоуменно спрашивает она.

Он перепрыгивает провал, отряхивает руки.

– Ну да.

Санти проходит мимо нее к последнему повороту лестницы. И тут Тору озаряет – Санти просто-напросто не боится. Ни упасть, ни ошибиться с выбором. На секунду она жгуче ему завидует.

Она лезет следом за ним через дыру в деревянном настиле. На три стороны открывается панорама города, с четвертой – внутренности часов со ржавыми шестеренками. Тора согрелась во время подъема, поэтому снимает шарф и вешает его на ржавый гвоздь. Садится на край и запрокидывает голову. Отсюда городские огни не заслоняют звезды, раскинутые по небу, и они похожи на брызги крови, разлетевшиеся после убийства неизвестного бога.

– Разве не странно, что реальность иногда выглядит такой нереальной? – спрашивает Тора. – Так не должно быть. То есть с чем мы ее сравниваем?

– С чем-то более реальным, что нам не удастся вспомнить, – отвечает Санти, усаживаясь рядом. Он следит за ее взглядом. – Когда я был маленьким, я думал, что звезды – это дыры в стене между нами и раем.

– А я думала, что они прилеплены ко внутренней стороне

неба, – смеется Тора. – Как, знаешь, бывают на потолке детской комнаты в темноте.

– У меня тоже такие были, – улыбается Санти. – Ты их с собой привезла?

Тора настороженно смотрит на него, – может, он хочет ее подловить? И все же отвечает:

– Нет. Но купила новые в «Одиссее». – Она указывает через реку, где светится стеклянный фасад музея приключений. – Там классно! В сувенирном магазине можно купить значки Европейского космического агентства. Сходи обязательно. – Тора смеется. – Если, конечно, тебя не смущает, что все остальные посетители там лет на десять нас младше.

– Мы вроде как должны были перерасти увлечение космосом, – говорит Санти тихо. – Все маленькие дети любят звезды и хотят стать астронавтами. Изучать Вселенную, открыть то, чего никто никогда не видел. Но потом мы вырастем и уже не смотрим наверх. Мы больше не отрываем взглядов от земли и становимся прагматичными.

– Это не про меня.

Тора сама не верит, что раскрывает свой самый большой секрет, распахивает сердце парню, которого видит впервые в жизни. Она прикидывает варианты его реакций: смех, поддельный интерес, доброжелательный совет отпустить то, что никогда не произойдет.

– И не про меня. – Он поднимает глаза к звездам. – Я хочу туда полететь. Всегда хотел.

Впервые с тех пор, как приехала в Кёльн, Тора широко улыбается:

– Зачем?

Он смотрит на нее, как будто ответ сам собой разумеется.

– Хочу увидеть Бога.

Тора смеется, – конечно, он шутит. Санти смотрит спокойно, он не обижен, но и не смеется вместе с ней.

– Думаешь, Бог живет в космосе? – хмурится она.

Он натянуто улыбается.

Тора не отступает:

– Знаешь, все эти разговоры, что рай наверху, – это, скорее всего, метафора.

– В космосе нет понятия верха, – отвечает он серьезно.

– Значит, там ты не был бы коротышкой? Да, удобно, – ляпает она, не подумав.

Кажется, это его задело. Тора хочет отмотать время назад, исправить ошибку, но в этой вселенной оно идет только в одном направлении, увлекая ее за собой.

– А я хочу в космос, – говорит она, – потому что там никто не услышит глупостей, которые возникают у меня в голове.

Санти не улыбается в ответ.

– А если серьезно?

Она вздыхает:

– Я хочу быть как можно дальше от всего этого. – Она жестом указывает на башню, город, саму планету.

– Почему? Что не так со всем этим?

Санти встает, покачиваясь, и Тора тянется поддержать его, но он справляется сам.

– Да нет, ничего такого, – пожимает плечами она. – Я просто всегда хотела куда-то в другое место.

– Я понимаю, о чем ты. – Санти смотрит на город. – И все же здесь просто невероятно.

Впервые с тех пор, как они поднялись на башню, Тора смотрит вниз. Санти прав, ночной город чудесен: планета, испещренная светящимися бороздами. Прямо под ними блестит мощеная площадь, а фонтан в центре похож на облачко серебристой дымки. Слева два шпиля собора устремлены в небо – готические ракеты. От соборной площади к реке спускаются разноцветные здания. Тора выдыхает холодный воздух и вдыхает сам город, весь в рубцах от сброшенных на него когда-то бомб, воссозданный из руин, строящийся и перестраивающийся. Она смотрит на мост Гогенцоллернов, перекинутый через Рейн, огни моста отражаются от воды, как будто его двойник утонул и лежит на дне.

Тора указывает на мост:

– Ты знаешь, на нем столько висячих замков, что живого места не осталось.

– Да, я там был. Впечатляет.

– Так глупо! – Тора фыркает. – И что, ты думаешь, говорят пары на этом месте? «Давай увековечим нашу уникальную любовь, повторив то же самое, что сделали тысячи пар до нас»?

– Не только пар, – поправляет Санти. – Я читал, что на них написано. Есть замки с именами родителей, детей, друзей.

– Еще хуже! Давайте опошлим все человеческие отношения!

– Тебе не кажется, что это красиво? – Он испытующе смотрит на нее. – Вселенский жест?

– Две тонны. Вот сколько дополнительной нагрузки они оказывают на мост, все эти вселенские жесты. – Она качает головой. – Того и гляди мост рухнет в реку.

– Но подумай про символизм, – восхищенно говорит Санти. – Чудо инженерного искусства, рухнувшее под весом человеческой любви.

Явно дразнит ее.

– Уверена, что люди, которые символично погибнут при символическом обрушении моста, оценят это по достоинству.

На этих словах Санти раздражается высоким радостным смехом, за который другие парни обсмеяли бы его самого. Но Санти все равно.

Тора слишком засиделась на одном месте – здесь наверху можно много еще чего посмотреть. Она поднимается, чтобы изучить ржавый механизм часов, аккуратно обходит отверстие в полу.

Санти тоже встает:

– Тебе посветить?

– Нет, все нормально.

Она достает зажигалку и щелкает ею.

– Ты куришь? – удивленно спрашивает Санти.

– Боже, нет. А вот мама, помню, не выпускала сигарету из рук все мое детство. Такое не проходит бесследно.

Санти подходит к ней ближе, Тора подсвечивает механизм часов.

– Думаешь, сможем починить?

Тора всем своим весом давит на одну из шестерней и пытается повернуть ее.

– Не выходит, – говорит она через пару секунд. – Боюсь, время остановилось.

Санти пытается повернуть шестерню в другую сторону, но тотчас отказывается от этой мысли и отходит назад:

– Похоже, ты права. Добро пожаловать в вечность.

В мерцающем свете Тора видит его улыбку. Звучит пафосно, но Тора вынуждена признать, что именно так она и чувствует: мгновение, отнятое у времени, мгновение без начала и конца.

– Надо увековечить этот момент, как думаешь? – предлагает Санти.

– Ты о чем? – моргает Тора.

Он лезет в карман пиджака и достает какой-то предмет из темного дерева. Тора понимает, что это нож, лишь когда Санти раскрывает скошенное стальное лезвие.

Она таращит на него глаза:

– Ты что, хочешь провести какую-то кровавую церемонию?

– Нет! Какие же вы, чехо-исландо-британцы, впечатлительные!

– Поздравляю, ты запомнил всех моих предков. Обычно мне приходится повторять по сто раз. – Тора запрокидывает голову назад и хохочет.

Он смотрит на нее:

– Просто я внимательный.

Тора берет у Санти нож и, повернув его лезвием к свету, рассматривает:

– Ого! Да им можно заколоть человека до смерти!

– Почему ты вообще об этом подумала? – Санти качает головой. – Это моего дедушки.

– Зачем тебе нож, если ты не собираешься никого закалывать? – Тора смотрит на Санти с подозрением.

– Зачем тебе зажигалка, если ты не куришь?

– Никогда не знаешь, когда понадобится что-нибудь поджечь, – пожимает плечами Тора.

– Никогда не знаешь, когда понадобится что-нибудь царапать на стене.

Санти забирает у нее нож и идет к одной из колонн между арками. Он начинает что-то высекать на камне, Тора, заглянув ему через плечо, читает: «Сантьяго Лопес Ромеро».

– Не знаю, как правильно пишется твое имя.

Он протягивает ей нож и наблюдает, как Тора царапает камень.

– Жаль тебя огорчать, но это не буква.

Тора сметает кирпичную пыль со значка R, с которого начинается ее имя.

– Буква. Называется «торн» и все еще используется в исландском языке. В английском алфавите тоже был такой значок.

– То есть, по-твоему, я и правда не смог бы написать правильно.

Их имена теперь высечены на стене – без амперсанда, без сердечек, без каких-либо других значков, и только общее пространство объединяет их. «Так и есть», – думает Тора.

– Хорошо, что я ушла с вечеринки, – говорит она ему.

– Конечно, – отвечает он. – Считаю, это судьба.

– Прости? – моргает Тора.

– Судьба. Что мы встретимся, залезем на башню.

– Ты серьезно? – смеется Тора. – То есть ты детерминист, который полагает, что свободная воля – иллюзия, что вселенная – это шар, который катится с горы, и прочее, прочее?

– Я говорю не о детерминизме, а о судьбе, – качает головой Санти.

– А в чем разница?

Он снова садится на край настила.

– Детерминизм означает, что все бессмысленно и мы ничего не можем поменять. Судьба означает, что есть некий план, который Бог реализует через нас.

– Так, – произносит Тора медленно. – Значит, единственная причина, по которой мы взобрались на эту башню, – по-

тому что этого хотел Бог?

– Это не так работает. – Санти возмутительно безмятежен. – Он не заставил нас сделать это напрямую. Он создал нас такими людьми, которые захотят взобраться на полуразрушенную башню, чтобы полюбоваться звездами.

Тора откидывает волосы назад.

– А с чего все начинается? Почему я стала такой, какая есть? – Тора хмурится – та же мысль крутилась в ее голове, когда она ушла из клуба. – Может, дело в генетике? Бог знает, что у меня странные родители. Но тут должна проследиваться и связь с моим детством и с тем опытом, который был в моей жизни. – Кажется, этот спор ее пьянит, хотя она и выпила всего один бокал вина час назад. – Подумай сам. А что, если бы твои родители переехали в Кёльн до твоего рождения? Если бы ты здесь вырос? А если бы мои родители остались в Голландии, где они и встретились? А что, если, например, случилось бы что-нибудь ужасное, когда мы были детьми? Мы бы сейчас стали совсем другими людьми.

– Не согласен, – качает головой Санти. – Мы те, кто мы есть. Мы останемся такими же, несмотря на любые события, которые произойдут с нами.

– Хорошо. Давай проведем мысленный эксперимент. Этим вечером принимал ли ты решения, которые привели к тому, что ты лег в траву и стал разглядывать звезды?

Пауза.

– Кажется, да, – говорит он. – Но я принял эти решения

из-за того, кто я.

– И ты совсем не думал поступить иначе? – Тора ожи-вилась, развернулась к Санти, совершенно забыв о городе и звездах. – Я вот думала. Я чуть было не спустилась к реке. Я чуть было не вернулась в клуб, ей-богу! И если бы я приня-ла одно из этих решений, то у нас сейчас не было бы этого разговора.

– Так ты считаешь, что этот разговор в корне нас поменя-ет? – ухмыляется он.

– Не передергивай! – Она злится на Санти из-за его уве-ренности, а себя чувствует клубком противоречивых идей. – Может, не конкретно этот разговор. Но если мы еще увидим-ся, если станем частью жизни друг друга...

– Ты хочешь стать частью моей жизни? – Он ухмыляется шире. – Тора, я тебя даже не знаю.

Она бьет его по плечу:

– Друзья всегда оказывают влияние друг на друга. – То-ра закатывает рукав и обнажает тату, которое сделала два дня назад в Бельгийском квартале; кожа на запястье все еще красная вокруг скопления тусклых звезд. – Вот, пожалуйста. Моя подруга Лили сказала, что мы должны набить татуиров-ки, чтобы отметить начало учебы в университете. И если бы я не встретила Лили десять лет назад, то сейчас я была бы иной в физическом плане.

– Что тут? – Санти берет ее руку и поворачивает к свету.

– Созвездие Лисичка. Моя фамилия означает «лиса». –

Тора ковыряет корку по краям тату. – Наверное, прозвучит глупо, но я хотела, чтобы она напоминала мне, кто я. Что мое место среди звезд.

Санги бросает листок с башни и наблюдает, как тот падает вниз по непредсказуемой траектории.

– А зачем тебе для этого тату?

Непохоже, что он хочет ее обидеть. Но Тора именно так это и воспринимает – как обиду, словно ему удалось разглядеть ее непоследовательность сквозь все напускное.

Звонят соборные колокола. Два часа ночи. Тора чувствует приступ сомнения, единственное доказательство того, что Санги ошибается, – она могла решить подняться сюда, а сейчас может решить спуститься.

– Мне нужно идти, – объявляет она.

– Я знал, что ты это скажешь, – ухмыляется Санги.

– Ладно, – закатывает глаза она. – Чтобы доказать, что ты и Бог ошибаетесь, я останусь.

– Хорошо. Не скучай! Я уйду, – говорит Санги и исчезает в отверстии в полу.

Тора собирается остаться, чтобы одной смотреть на звезды. Но очень скоро ей становится тоскливо. Она начинает спускаться по ступенькам и неосторожно смотрит вниз. Башня тонет в темноте, пронизанная осколками света, совсем как в инфантильной фантазии Санги о том, как выглядит рай. За исключением того, что внизу твердая земля. Если Тора упадет, то расшибется насмерть и вряд ли где-нибудь

после того окажется. Ладони вспотели. Тора ставит ногу в выемку в кирпичной кладке и нащупывает точку опоры для второй ноги, но тут ее ладони соскальзывают. Она резко вытягивает руку и хватается за выступающий кирпич, прижимаясь к стене.

Тора висит, вглядываясь в брешь в кирпичах. Она знает, что должна увидеть – звездное небо над городом. Но на самом деле она видит бесконечное количество своих отражений. И все эти Торы смотрят на нее испуганными глазами.

Она чуть было не срывается от этого зрелища. Тора зажимуривается, раскачивается и прыгает на ступени. Теперь она в безопасности.

– Тора? – Санти лезет обратно наверх. – Ты в порядке? Что случилось?

– Ничего. Я просто... мне показалось, я видела... – Она замолкает.

Она точно знает, что видела. Ее кошмары становятся явью: несметные версии ее личности, возникшие от каждого принятого решения, и только одна версия никогда больше не появится.

– Что?

Тора видит беспокойство в глазах Санти.

– Бога, – говорит она, дразнясь.

– Наверное, мы высоко забрались, – с улыбкой качает головой Санти.

На земле руки и ноги у Торы трясутся.

– Поверить не могу, что мы это сделали!

– А я могу, – улыбается Санти.

– Как мы уже выяснили, ты способен поверить во что угодно.

Стоп, что-то не так. Тора касается шеи:

– Черт! Я забыла шарф на башне.

– Сейчас схожу за ним. – Санти направляется обратно к провалу в стене.

– Не надо, не переживай. Он дешевый, ничего особенного.

Отец Торы связал этот шарф и подарил дочери на удачу, чтобы у нее все сложилось на новом месте. Тора вспоминает, как они расстались: перебросились сердитыми словами, когда отец в очередной раз раскритиковал ее выбор. Она расправляет плечи. Не нужен ей этот шарф. Лучше представить, что это флаг, который она водрузила над городом, заявляя тем самым свои права на него.

– Точно?

– Да.

– Ладно. – Санти оглядывается. – Пойдешь обратно в Линденталь?

Тора думает, как лучше ответить. Она не хочет заканчивать разговор. Но путь до дома не близкий, и много чего может пойти не так: она может снова ненароком обидеть Санти или он, не исключено, надеется на прощальный поцелуй. Лучше улизнуть сейчас, пока все более или менее нормально.

– Нет, моя подруга Лили осталась в клубе, – придумывает Тора на ходу. – Нужно вернуться и проверить, что она в порядке.

– Ладно. – Пауза. – Дашь свой номер?

– Да.

Тора звонит ему, на экране его телефона высвечивается ее номер. Санти делает шаг назад, словно не знает, как закончить встречу:

– Ну... спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – отвечает она.

Они расходятся в разные стороны. Тора не оглядывается.

* * *

Она хочет позвонить, но сдерживает себя. Тора переживает – вдруг Санти решит, что ей хочется романтики, но она почти уверена, что он ей в этом смысле не интересен. Ей нравится Джулс – девушка из общежития, – и Тора начинает думать, что это взаимно. Совсем не нужно, чтобы такой чувствительный и непредсказуемый парень, как Санти, не так ее понял. Она смотрит на мерцающие огни на потолке своей комнаты и думает о притяжении магнитов, о взаимной орбите двойных звезд. Боже, как ей хочется, чтобы в этом мире существовал способ сказать парню, что она хочет быть его лучшим другом. В любой форме – стать парнем его возраста, пожилой женщиной, «мозгом в колбе» – чем угодно, лишь

бы он понял ее суть.

Несколько недель спустя она все еще думает об этом, проходя мимо доски объявлений в общежитии, и вдруг замечает лицо Санти, обрамленное цветами.

Она останавливается как вкопанная. Три слова на стене, совсем как граффити. «ПОКОЙСЯ С МИРОМ». Фотография и слова – два несовместимых языка, слитые в одно предложение.

Рядом останавливается Джулс:

– Ты слышала? Кошмар! Его нашли возле башни с часами, в Старом городе. Говорят, прыгнул вниз.

– Он не прыгал.

Картинка в голове Торы невыносима: ее шарф развевается на верхушке башни. Санти лезет, устремив глаза к звездам. Он уверен в себе и в уготованном Богом пути в этом мире, так что мысль о падении даже не приходит ему в голову.

Она хотела выиграть спор. Но не хотела такого исхода, мрачного доказательства своей победы – она повлияла на его жизнь самым худшим и необратимым образом. Она вспоминает, как ее руки срывались, как она чуть не упала. Почему ей кажется, что произошел обмен? Что Санти упал вместо нее, умер вместо нее? Тору трясет от злости из-за того, кем она была несколько недель назад. «Лучше улизнуть сейчас, пока все более или менее нормально». Ну какой идиот будет так рассуждать? Кто выберет несуществующий идеал вместо вполне реального хаоса и трудностей?

– Ты его знала? – спрашивает Джулс.

Тора хочет ответить его словами: «Нельзя узнать кого-то полностью».

– Да, – все же произносит она.

Он умер, но ей кажется, что он все еще рядом после того единственного вечера, проведенного на вершущке башни. Санти, который хотел добраться до звезд, чтобы увидеть лицо Бога.

Джулс обнимает Тору, кладет голову ей на плечо. Джулс всего семнадцать, она на год младше своих однокурсников, но есть в ней что-то такое, отчего Торе становится тепло и спокойно. Расслабившись в объятиях подруги, Тора четко видит будущее, словно призрак Санти нашептывает его. Она пойдет в бар вместе с Джулс и постарается найти утешение в алкоголе. Они будут разговаривать, потом поцелуются. Потом пойдут к Джулс, которая живет через три комнаты от нее. Все будет как она хотела, но она еще долго не сможет радоваться, оцепенев от горя.

* * *

На следующее утро она уходит от Джулс, не разбудив ее. Она идет к мемориалу Санти, возле которого возложены цветы и открытки. Она читает послания, ища кого-то, кто понимал бы Санти. «Скучаю по тебе, старик». «Ты был хорошим парнем». «Благослови тебя Господь!» От сообщений не ис-

ходит никакой теплоты, с таким же успехом их мог сочинить компьютер. Тору потрясает страшное одиночество, скрытое за этим фактом, – умереть в первые несколько недель учебы в университете, когда остальные знают о тебе только то, что ты улыбался им в библиотеке или покупал выпивку в баре. Но она-то знает его лучше.

Тора оставит Санти значок Европейского космического агентства, купленный в «Одиссее». В тот вечер, когда они встретились, она была без значка – боялась, что подумают люди. Тора кладет его на стол, развернув лицом к Санти. Теперь она уверена, что никогда не доберется до звезд. Если бы она находилась на правильном пути, Санти сейчас был бы здесь, с ней.

– Надеюсь, ты нашел, что искал, – говорит она.

Спустя два дня Тора покупает баллончик краски и идет в Старый город в три часа ночи. Поверх выцветших слов, покрывающих основание башни, она пишет для Санти: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ВЕЧНОСТЬ».

Открой глаза

Санти опаздывает.

Это в его духе, можно сказать, отличительная особенность, неизменная, как выющиеся волосы. Конечно, лучше не демонстрировать ее в первый день нового учебного года. Опоздание не красило бы его, будь он студентом, и совсем непростительно для учителя с двадцатипятилетним стажем. Санти проносится мимо фонтана в центре мощеной площади, избегая скоплений людей. Минуя полуразрушенную башню с часами, он смотрит вверх, чтобы узнать время, забыв, что стрелки всегда показывают одиннадцать часов восемь минут.

Утром Санти проснулся с раскинутыми на постели руками и ногами, словно упал с какой-то непостижимой высоты. Этот сон он уже видел прежде. На сей раз Санти тридцать минут мерил шагами квартиру, отмечая доказательства своего существования (коими были кошка Фелисетт, которая мяукала, выпрашивая завтрак; скатерть, которую связала крючком мама Санти; портрет Элоизы, с опасением глядящей на приближающийся дождь), пока наконец не пришел в себя. Сейчас он оставляет позади оживленный рынок и заходит в тихий двор международной школы, пытаясь собраться с мыслями. Неосознанно Санти лезет в карман пиджака и касается гладкого дерева – это рукоять дедова ножа.

В классе на него направлены взгляды тридцати явившихся на урок семилеток. Лица разные, остальное неизменно повторяется. Унылое дежавю, данное Санти в силу профессии, – он проживает один и тот же год снова и снова, окруженный детьми, которым важна только эта версия происходящего.

– Здравствуйте, – говорит он. – Я мистер Лопес, ваш учитель естествознания. В этом кабинете вы узнаете о мире и о том, как он работает. О вещах, которые нам известны, и о тех, в которых мы все еще пытаемся разобраться. – Санти окидывает взглядом всех учеников. – Я очень надеюсь, что в этом году вы обязательно научитесь обращать внимание на все, что вас окружает. Не принимайте ничего на веру. В этом заключается суть науки.

Санти много лет шлифовал эту речь, опускал слово здесь, менял фразу там, но он сомневается, что дети его сейчас слушают. Они оценивают учителя по другим меркам: его акцент, жесты, одежду. Бессознательно, как это делают животные, решают – станет он частью их стаи или нет.

– Думаю, мы начнем со знакомства, – продолжает Санти. – Поднимите руки, и когда я вас вызову, скажите свое имя и кем хотите стать. Я запишу все на доске, и так мы с вами познакомимся.

Несколько рук взлетает, но большинство учеников сидят, как и сидели прежде.

– Если не поднимете руку сейчас, я вызову вас позже. Но

потом на доске останется меньше места, поэтому вы окажетесь чуть меньше остальных. Поднимите руки, если не хотите быть маленькими.

Количество рук слегка увеличивается. Санти улыбается и вызывает мальчика, который сидит справа:

– Ты был первый. Как тебя зовут?

– Бен, – отвечает тот.

– И кем ты хочешь стать, когда вырастешь, Бен?

– Футболистом.

Предсказуемое начало.

– Отлично. Какая у тебя любимая команда? – Не давая ответить, Санти продолжает: – «Реал Мадрид», как и у меня! Здорово!

Другие дети хихикают. Санти поворачивается к доске и рисует мультяшного мальчика, подающего мяч головой. Когда он отходит в сторону, в классе раздаются смешки. Ну, это, конечно, не шедевр. Он всегда хотел посвятить больше времени рисованию, чтобы его умения впечатляли сильнее. Но и этих закорючек пока достаточно, чтобы удерживать внимание детей.

– Кто следующий? – Санти смотрит на море рук.

Его взгляд привлекает девочка с золотисто-каштановыми волосами, рослая для своего возраста, с ярко-голубыми взрослыми глазами.

– Ты, – обращается он к ней. – Как тебя зовут?

Она опускает руку:

– Тора Лишкова.

– Лиш-ко-ва, – повторяет он за ней, ставя ударение на первый слог. – Как правильно пишется твоя фамилия?

Она произносит по буквам.

– Переводится как «лиса», – добавляет девочка с какой-то мрачной гордостью.

– Правда? Моя переводится «волк».

Она широко, бесхитростно улыбается ему в ответ, отчего мальчик, сидящий рядом с ней, хихикает. У Санти сжимается сердце. Мир еще не успел подмять под себя эту девочку, и ее искренняя радость сродни мишени на спине. Оставайся такой, какая ты есть, Тора Лишкова, молится он про себя, хотя и знает, что это бессмысленно. Санти уверен, что через год она будет больше волноваться о том, что люди подумают о ней, чем о том, что приносит ей радость.

– А кем ты хочешь стать? – спрашивает он.

– Астронавтом, – тотчас отвечает она.

Санти выдавливая из себя улыбку. Он ничего не имеет против тех, кто хочет стать футболистами, ветеринарами или гонщиками. «Не отступайте, – говорит он им, – следуйте за своей мечтой». Хотя, по статистике, эти дети будут работать в кол-центрах. Но с теми, кто хочет стать астронавтами, все иначе.

На Санти давит полжизни сожалений.

– Это сложный, но достойный выбор, – произносит он.

Санти рисует ее синим цветом: маленькую непреклонную

фигурку в шлеме космонавта, водружающую флаг на миниатюрную планету. Когда он оборачивается, видит, что девочка покраснела и не смотрит ему в глаза.

Санти продолжает опрашивать класс, пока доска не заполняется рэперами, декораторами тортов, докторами. Тора парит где-то с краю, словно вот-вот ступит в другой, бесконечный мир.

– А теперь, – говорит Санти, раздавая линованную бумагу, – я хочу, чтобы вы написали рассказ о себе в будущем и проиллюстрировали его. Представьте, что вы сейчас уже те, кем хотите стать. Приступайте.

Санти садится, у него минут пятнадцать относительного спокойствия.

Боковым зрением он замечает чью-то поднятую руку.

– Да?

– А как насчет вас, мистер Лопес? – спрашивает Тора весело. – Кем вы хотели стать?

Санти не может признаться, что сам – живой пример человека, который хотел стать астронавтом, но у него не вышло. Он врёт без колебаний.

– Конечно, учителем естествознания, – отвечает он. – И вот я здесь.

Раздаются смешки. Ни один из учеников, которых он нарисовал на доске, не хочет стать учителем.

Рука девочки снова поднимается. Он вздыхает:

– Да, Тора?

– Вам нужно нарисовать себя.

Другие голоса тоже присоединяются:

– Да, да.

– Давайте, сэр.

Свободное место на доске только с краю, рядом с Торой. Санти рисует себя: меньше, чем остальные фигуры, кудри сумасшедшего ученого с плешью, как у монаха, принявшего постриг. Первое правило работы с детьми – самому указать на свои слабые стороны, прежде чем это сделают дети. Под изображением он пишет: «Мистер Лопес», в классе раздаются радостные смешки.

Санти кланяется и садится. Ему даже не нужно смотреть в сторону Торы, он и так знает, что ее рука поднята.

– Последний вопрос, и дальше я хочу, чтобы ты приступила к письменной работе.

– Вам нужен шлем космонавта, – говорит она, – иначе вы не сможете дышать.

Санти снова смотрит на доску. Он считал, что у каждого изображения собственная вселенная. А сейчас Тора тянет его в свою вселенную, на орбиту крошечной планеты, которую она исследует.

– Ты совершенно права. – Он быстро рисует кружок у головы своего персонажа. – А теперь все работаем молча.

Санти садится, его странным образом трогает доброта Торы. Он вспоминает об этом в конце дня, когда через пустую игровую площадку проходит на мощеную площадь. Ему ка-

жется, что строения Старого города давят на него вместе с мрачными тучами в небе.

Санти хочет, чтобы его жизнь имела смысл. Вера обычно помогает, когда мир преподносит только статику и шум. Но именно ради подобных моментов, совершенно четких, как если бы чей-то голос говорил прямо в ухо, он и живет. У него не вышло, но вдруг Тора сумеет. И он, вероятно, может стать для нее первым шагом на пути к звездам.

Он понимает, что это ужасная идея. Одна из причин, почему он не завел детей, – чтобы не проецировать на них свои нереализованные стремления. (Другая причина состоит в том, что Элоиза развелась с ним и вернулась во Францию.) Но сейчас, шагая к вывеске с золотым кентавром и усаживаясь за барной стойкой, он убеждает себя, что ситуация иная. Тора уже рассказала ему о своей мечте, и теперь он должен дать девочке понять, что осуществить ее возможно.

Барменша Бригитта ставит перед ним тонкий бокал местного светлого пива. Санти салютует ей бокалом и пьет, рассматривая отражение вывески «Кентавр» в зеркале за барной стойкой. Вокруг льются разговоры на полдесятке языков: отчетливый кёльнский диалект, литературный немецкий, английский, русский и испанский. Эти языки Санти понимает, он даже наверняка сможет повторить услышанное. Знакомые жалобы на плотное движение на Ринге, на новую партию студентов, заполонившую бары Старого города. Он помнит, как сам был таким студентом и вваливался в «Кен-

тавр», даже не подозревая, как раздражает завсегдатаев бара. Кажется невероятным, что теперь завсегдатай – он сам.

Санти обычно встречается здесь с другом Джейми и пропускает несколько бокалов, но сейчас Джейми уехал к семье в Испанию. Санти приканчивает бокал пива и уходит. По привычке он смотрит вверх, но звезды скрыты городскими огнями. Санти идет по вечерним торговым улочкам вокруг Ноймаркта, напевая знакомый мотивчик без слов. Он уже должен чувствовать себя здесь как дома – в этом городе со столькими именами. Köln зовут его местные на немецком, Cologne – учителя международной школы на английском, Colonia – так звучит название города на испанском. Только в испанском языке сохранилось прежнее значение слова – «колония», каковой и был когда-то город, основанный и названный иностранцами. Санти переступает невидимую линию древней римской стены – он тут еще один иностранец, и не завоеватель, а простой прохожий.

Звонит телефон. Это его сестра Аурулия.

– Лита, – произносит он, пересекая широкую, засаженную деревьями кольцевую – Ринг и шагая в Бельгийский квартал.

– Тебе удобно говорить? – спрашивает она искаженным расстоянием голосом.

Пара тысяч километров между ними с тем же успехом могут быть световыми годами.

– Да. Иду домой с работы.

Прохожий бросает взгляд на Санти и плюет в канаву. Это

из-за того, что Санти говорит на испанском, или по другой причине, а может, и вовсе причины нет? Мозг Санти начинает кружить в изнуряющем мысленном танце чужака.

– Как новые детки? – спрашивает Аурелия.

– Обычные. – Он себя поправляет. Тора – необычная. –

Хотя нет, одна ученица хочет стать астронавтом.

– И что ты ей скажешь? – Сестра Санти сочувственно вздыхает.

– Чтобы шла за своей мечтой.

Аурелия молчит, затем интересуется:

– Хорошо ли это?

Санти не знает, что ответить. «Я бы хотел, чтобы мне такое сказали в свое время». Вместо этого он говорит:

– Она из богатой семьи, учится в международной школе.

У нее больше шансов, чем когда-то было у меня.

Прежде чем Аурелия успевает возразить, Санти меняет тему:

– Как там племянница?

Голос Аурелии звучит раздраженно:

– Бог знает. Звонит раз в полтора месяца сообщить, что еще жива.

Санти улыбается, сворачивая на свою улицу:

– Скажи ей, пусть навестит меня как-нибудь.

– Жил бы поближе, не пришлось бы тебя навещать. Мама спрашивает, подался ли ты на ту работу в Альмуньекаре.

Кто бы сомневался, что Аурелия не упустит возможности

вернуться к любимой теме.

– Думаю об этом, – вздыхает Санти.

– Значит, нет. – (Он молчит, давая ей возможность продолжить.) – Санти, ты постоянно говоришь, что тебе там не нравится.

– Знаю, – отвечает он.

На самом деле он не рассказал семье и половины. Не рассказал, что спустя почти тридцать лет жизни здесь временами все еще накатывает такая тоска по дому, что дышать нечем. Что дни среди неприветливых, торопливых незнакомцев чужды ему и от этого он все время на грани. Он перекладывает телефон в левую руку и возится с ключами.

– Я просто... Я еще не готов уехать.

Санти кривит душой. На самом деле он не может признать, что возвращение домой кажется ему неправильным.

– Догадываюсь, в чем дело, – вздыхает Аурелия. – Ты просто не хочешь жить на этой планете.

Он смеется, поднимаясь по лестнице:

– Ты знаешь меня как облупленного.

– Мне пора бежать. Подумай о той работе, хорошо?

Санти обещает, что подумает, жмет отбой, открывает дверь в квартиру и включает свет. Поливает искривленный куст-переросток – неудачный опыт Элоизы вырастить дерево бонсай – и тяжело садится на диван. Он изнурен, но так, что даже не может расслабиться. Фелисетт крадется по полу, исчезает на кухне и вдруг возникает у плеча Санти. Он

чешет ей подбородок, наливает себе бокал пива и берется за проверку школьных эссе. Работу Торы Санти убирает вниз стопки, оставляя ее на десерт.

Наконец отодвигает проверенную пачку и берет эссе Торы. Она нарисовала крошечную планету, которую он изобразил на доске, но добавила свои элементы: фиолетовые озера, диковинные деревья, инопланетян с глазами на пальцах ног. Воображение у нее настолько безграничное, что он едва улавливает суть. Санти смотрит на фигуру, торчащую сбоку планеты.

– Доктор Лишкова, надо думать, – шепчет он.

Если смотреть ее глазами, то Тора неуклюжая и долговязая, из-под гермошлема выбиваются палочки, изображающие волосы. В руке она торжественно держит бутылочку с каким-то красным веществом. Санти заглядывает в текст и выясняет, что это «образец». Тора хорошо пишет для своего возраста, разве что использует длинные слова, не вполне понимая их значение.

Он начинает писать комментарий, как вдруг замечает себя. Крошечную фигуру с противоположной стороны планеты, чуть больше кляксы. Он бы и не узнал себя, если бы не подпись буквами, которые вдвое больше миниатюрного изображения.

– Надеюсь, это не намек на мой рост, – шепчет Санти, отхлебывая пива.

«Хорошая работа, – пишет он. – Спасибо, что пригласила

меня на свою планету».

Он кладет эссе Торы в стопку и откидывается назад, чувствуя радость, смешанную с меланхолией. Он завидует Торе: не маленьким невзгодам жизни в ее возрасте, а иллюзии бесконечного потенциала. Он снова перечисляет факторы, которые когда-то остановили его: отсутствие денег, провал на экзамене по физике, совет семьи выбрать вариант понадежнее. Санти задается вопросом – что из этого всего было просто отговоркой? Возможно, он сам себе помешал: провалил экзамен, чтобы избежать провала в дальнейшем. Или, возможно, у Бога имелись на него другие планы.

Он засыпает на диване, думая о чудесах: о том человеке, который как-то парил на высоте пятнадцати сантиметров над землей. С широко раскинутыми руками и ничего не выражающим лицом, незнакомец оставался в воздухе совершенно неподвижным.

* * *

На родительском собрании Санти впервые встречает мать Торы, специалиста по сравнительной мифологии, и ее отца, философа с телом боксера.

– Мистер и миссис Лишковы. – Он протягивает руку.

– Доктор Лишка, вообще-то, – поправляет мужчина. Рукопожатие слишком крепкое. – У моей дочери женская форма фамилии.

– Доктор Расмусдоттир, – представляется мать Торы.

– А жена и вовсе отказалась от моей фамилии, – говорит отец Торы и смеется слишком громко.

У матери девочки не чувствуется акцента. Санти подозревает, что она выпускница дорогой международной школы, вроде той, где преподает он сам. Отец Торы, судя по всему, любитель алкоголя. На эту мысль наводит дрожащая рука и чрезмерно оживленная манера доктора Лишки, хрупкая, как оболочка бомбы.

– У вас очень смышленная девочка, – говорит Санти.

– Да, мы знаем, – произносит отец и опять смеется.

– Проблема в том, что она не старается, – замечает мать.

– Почему же? Тора старается, когда ей интересно, – отвечает Санти.

Он не знает, почему защищает свою ученицу, ведь он должен находиться по другую сторону баррикад. В этой ситуации все как-то странно. Санти ощущает себя ребенком, заброшенным в тело мужчины средних лет, который вроде как должен понимать, что делает.

– Понятно, – говорит доктор Лишка. – Вы ведь учитель естествознания?

– Так и есть.

– Да. Мы полагаем, что у Торы больше способностей к гуманитарным наукам – к языку, истории и прочему.

– Да, пишет она хорошо, – соглашается Санти. – Но этот навык можно развивать в самых разных контекстах. Есте-

ственные науки позволят Торе заниматься тем, что ей действительно интересно, а также откроют другие возможности.

Родители переглядываются. Доктор Расмусдоттир смотрит на Санти:

– Вы про ее нелепую одержимость космосом?

Санти вздрагивает – он не верит своим ушам. Презрительный тон, закатывание глаз: комично, когда семилетка пародирует родителей, которые ее не понимают. Когда Тора описывала их, Санти полагал, что она преувеличивает.

– Ничего нелепого. – Санти не положено напрямую возражать родителям. Он поправляется: – Я имею в виду, что интерес – важный мотиватор. Я бы посоветовал его поощрять. Ну или хотя бы не слишком препятствовать.

Санти их не переубедил, хотя они кивают и благодарят его перед уходом. Он напоминает себе: если бы Бог давал легкие испытания, в них не было бы смысла.

* * *

На следующий день в утренний перерыв Санти возвращается в класс с кофе и видит Тору, которая рисует, сидя за своей партой. Он наблюдает, как она останавливается и соединяет несколько бледных точек на внутренней стороне запястья.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.